

**Русская правовая ментальность:
опыт реконструкции и репрезентации
феномена «ябеда» в значении
«злоупотребление процессуальными правами»
(на материалах российского законодательства
XVII–XIX вв.)**

Аннотация. В исторической науке заметен возрастающий интерес к изучению образов прошлого, образов исторической реальности, а реконструкция ментальностей становится приоритетным направлением в сфере исторического познания.

В статье обозначена задача нахождения (выработки) методологического инструментария для ретроспективного изучения правовой ментальности, а также ее последующей репрезентации.

Историками и теоретиками права уделяется всё большее внимание процессу формирования понятий и обозначающей их терминологии. Вместе с тем «надпонятийное поле» — поле образов — включает в себе значительный потенциал как для реконструкции, так и для репрезентации ментальностей и исторических феноменов (явлений, событий). Понятие лишь один из триггеров формирования образов, с ним связанных и отчасти им порождаемых. Правовые концепты являются объектом лингвокультурологии права как одной из ее ветвей. Вместе с тем автор полагает, что историческая юридическая наука должна более активно, на междисциплинарной основе, использовать соответствующий научный инструментарий. В части реконструкции правовых явлений и феноменов их образ поможет более системно и полно изучить явления, погруженные в ментальность соответствующей эпохи. В части репрезентации правовых явлений — удачно подобранный, узнаваемый реципиентом результатов правового исторического исследования образ может выполнять роль ретранслятора «контекстуально упакованной» информации (с элементами как рационального, так и оценочного, эмоционального) о правовом историческом явлении (феномене).

В статье сделана попытка реконструкции и репрезентации на основе хронотопной, образной модели феномена «ябеда» в значении «злоупотребление процессуальными правами».

В основу реконструкционной и репрезентационной модели положен образ-символ судебного процесса как «дороги — пути — тропы — стези» и ябеды как «пут».

Ключевые слова: правовая ментальность; история ментальностей; реконструкция правовой ментальности; репрезентация правовой ментальности; злоупотребление процессуальными правами; ябеда.

Для цитирования: *Гаврилов С. Н.* Русская правовая ментальность: опыт реконструкции и репрезентации феномена «ябеда» в значении «злоупотребление процессуальными правами» (на материалах российского законодательства XVII–XIX вв.) // *Lex russica.* — 2021. — Т. 74. — № 4. — С. 88–100. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.173.4.088-100.

© Гаврилов С. Н., 2021

* *Гаврилов Сергей Николаевич*, кандидат исторических наук, доцент, советник по информационным технологиям президента Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации пер. Сивцев Вражек, д. 43, г. Москва, Россия, 119002 gavrilov@fparf.ru

**Russian Legal Mentality: Experience of Reconstruction
and Representation of the Phenomenon
of "Snitch" meaning "Abuse of Procedural Rights"
(Based on the Materials of Russian Legislation of the 17th-19th Centuries)**

Sergey N. Gavrillov, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Information Technology Adviser to the President of the Russian Federal Bar Association
per. Sivtsev Vrazhek, d. 43 Moscow, Russia, 119002
gavrillov@fparf.ru

Abstract. Historical science shows a growing interest in the study of images of the past, images of historical reality; the reconstruction of mentalities is becoming a priority in the field of historical knowledge. The paper aims at finding (developing) methodological tools for a retrospective study of the legal mentality, as well as its subsequent representation.

Historians and legal theorists are paying more and more attention to the process of forming concepts and relevant terminology. At the same time, the "supraconceptual field", namely the field of images, contains a significant potential for both reconstruction and representation of mentalities and historical phenomena (events). The concept itself is only one of the triggers forming images associated with it and partly generated by it. Legal concepts are the object of linguoculturology of law as one of its branches. At the same time, the author believes that the historical legal science should more actively use the appropriate scientific tools on an interdisciplinary basis. In terms of the reconstruction of legal phenomena, their image will help to study the phenomena that are immersed in the mentality of the corresponding era in a more systematic and comprehensive manner. In terms of the representation of legal phenomena, a well-chosen image recognizable by the recipient of the results of legal historical research can serve as a relay of "contextually packed" information (with elements of both rational and evaluative or emotional information) about a legal historical phenomenon.

The paper attempts to reconstruct and represent the phenomenon of a "snitch" in the sense of "abuse of procedural rights" by means of a chronotropic, figurative model.

The reconstructive and representational model is based on the image symbol of the trial as "roads-paths-tracks-ways" and snitches are considered as a "path".

Keywords: legal mentality; history of mentalities; reconstruction of legal mentality; representation of legal mentality; abuse of procedural rights; snitch.

Cite as: Gavrillov SN. Russkaya pravovaya mentalnost: opyt rekonstruktsii i reprezentatsii fenomena «yabeda» v znachenii «zloupotreblenie protsessualnymi pravami» (na materialakh rossiyskogo zakonodatelstva XVII–XIX vv.) [Russian Legal Mentality: Experience of Reconstruction and Representation of the Phenomenon of "Snitch" meaning "Abuse of Procedural Rights" (Based on the Materials of Russian Legislation of the 17th-19th Centuries)]. *Lex russica*. 2021;74(4):88-100. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.173.4.088-100. (In Russ., abstract in Eng.).

1. К постановке проблемы: от «истории понятий» к «истории образов». Как отмечается в литературе, реконструкция ментальностей становится приоритетным направлением в сфере исторического познания¹. Существует весьма актуальная задача нахождения (выработки) эффективного методологического инструментария для ретроспективного изучения правовой

ментальности², а также ее последующей репрезентации.

Одним из источников для исследования правовой ментальности в ее ретроспективе является понятийно-терминологический аппарат законодательных актов прошлого.

В юридической литературе отмечается, что «в последние десятилетия историками и тео-

¹ См.: Гурьянова А. В., Гурьянов Н. Ю. Реконструкция ментальностей как когнитивная предпосылка исторического познания // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 3-1. С. 195.

² Вслед за филологом В. В. Колесовым мы употребляем слово «ментальность» как в большей степени соответствующее русской языковой традиции. «Русское слово с абстрагирующим суффиксом *-ость*, — говорит В. В. Колесов, — уводит от европейского понимания менталитета» (см.: Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб., 2006. С. 12).

ретиками права стало уделяться больше внимания процессу формирования понятий и обозначающей их терминологии с выяснением ее исторического содержания»³.

Здесь необходимо упомянуть о таком направлении в юридической науке, как интегративная юриспруденция, общий метод которой — «исторические реконструкции концептуальных изменений юридических языков, языков юридических актов (действий) и языков юридических определений (представлений) и их влияния на развитие правовых систем, в рамках которых они себя конституируют и воспроизводят»⁴.

С методологической точки зрения представляет интерес концепция «истории понятий», сформулированная Р. Козеллеком (R. Koselleck) и реализованная в научном проекте, результаты которого опубликованы в восьмитомном издании в 1972–1997 гг. «Основные исторические понятия. Исторический словарь политико-социального языка в Германии» (Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache).

В числе направлений соответствующей научной тематики следует назвать Кембриджскую школу (Джон Г. А. Покок (J. G. A. Pocock), Квентин Скиннер (Q. Skinner)) и возникшее во Франции направление лингвистической истории концептуальных словоупотреблений (Пьер Фала (P. Fiala)).

Как отмечает Х. Э. Бёдекер (H. E. Bödeker), «история понятий» появилась как «противодействие традиционной политической истории, полностью ориентированной на простую фикса-

цию событий в хронологическом порядке», и в результате осознания того, что «познавательные интересы истории понятий распознают историческую реальность как опосредованную языком и только таким способом доступную нашему сознанию реальность»⁵.

Именно такое отношение к изучению объекта, при котором предметом является не историческое явление само по себе, а «его доступное языку отражение в сознании»⁶, представляется весьма перспективным в попытке реконструкции правовой реальности прошлого и правовой ментальности соответствующего исторического периода.

В основе своей юристы оперируют понятиями, но, как верно подмечено, «понятия самый недолговечный элемент смысла, вот почему ему постоянно нужно “давать определение”, определяя его отношение к глубинному концептуму»⁷. Понятие всё время изменяет свои контуры, приспосабливаясь к сиюминутным человеческим нуждам. Понятие является лишь одним из элементов *концепта* как «основной единицы ментальности в языке»⁸.

Лингвисты-когнитологи (В. В. Колесов, В. И. Красик, Л. М. Лещёва, И. А. Стернин и др.) считают, что *концепт* намного шире *понятия*, поскольку он «включает не только результаты рационального мышления, но и эмоции, интуицию, чувства, осознание ситуации и в целом широкую базу знаний об объективном мире»⁹. Выявление *концепта* позволяет сделать информацию об объекте исследования и общую историческую картину более полной и адекватной.

³ Золотухина Н. М. Формирование правопонимания и его терминологическое обозначение в русской средневековой юридической культуре // Lex russica. 2018. № 8. С. 47.

⁴ См.: Веденеев Ю. А. Юридическая наука: введение в концептуальную историю // Lex russica. 2017. № 3. С. 10.

Автор справедливо отмечает, что «конструкция “интегральная юриспруденция”, активно используемая в отечественной юридической науке, при всей соблазнительности предполагаемых концептуальных возможностей... является недостаточно проработанной с точки зрения своих предметных и методологических оснований» (см.: Веденеев Ю. А. Юридическая наука... С. 15).

⁵ См.: Бёдекер Х. Э. Размышления о методе истории понятий // История понятий, история дискурса, история менталитета : сборник статей : пер. с нем / под ред. Х. Э. Бёдекера. М. : Новое литературное обозрение, 2010. С. 37, 55.

⁶ Бёдекер Х. Э. Указ. соч. С. 56.

⁷ «“Концептум” (conceptum) — это своего рода “росток первообраза”, “зерно первосмысла, ‘прорастающего’ в текстах законченным смыслом”» (Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности : в 2 т. СПб., 2014. Т. 2 : П — Я. С. 534, 535 (далее — СРМ)).

⁸ СРМ. Т. 2. С. 535.

⁹ См.: Лещёва Л. М. Когнитивная лингвистика и терминологическая двуязычная интерпретирующая лексикография // Язык и мысль : Современная когнитивная лингвистика / сост. А. А. Кибрик, А. Д. Кошелёв. М. : Языки славянской культуры, 2015. С. 419.

В контексте концептологического подхода в юридической науке следует упомянуть о теории юридического концепта действительности¹⁰. В правовом концептуальном пространстве «обитают образы и символы реальных вещей и субъектов», — говорит Г. А. Гаджиев¹¹. Анализируя концептуализм в праве как часть юридического мировоззрения, теоретическую систему, базирующуюся на юридических символах — понятиях, конструкциях, фикциях, автор отмечает, что «право — это прежде всего правовые понятия»¹² и что «для юридического концепта опасно горячее горение сердца», замечая, впрочем, что «это вовсе не значит, что право совершенно бездушно и безразлично, т. е. формально»¹³.

Возможно утверждать, что все чаще реконструкция и последующая репрезентация исторических явлений (феноменов) осуществляется уже не только на понятийном уровне.

Ссылаясь на мнение социологов, Л. Н. Мазур говорит: «Рождается не просто новая модель культуры, создается новый мир, который перестает восприниматься как текст, он становится Образом. В результате реальность, в том числе историческая, переосмысливается в контексте истории образов»¹⁴. Ю. Р. Ковтунова отмечает, что именно через изучение образов прошлого историки стремятся выйти на более высокие

познавательные уровни — «историческую или коллективную память общества»¹⁵. В итоге, делает вывод автор, «образ выступает в качестве конструкта исторического прошлого, создаваемого исследователем в результате анализа исторических источников»¹⁶.

Говоря о том, что в исторической науке замечен возрастающий интерес к изучению образов прошлого, образов исторической реальности, О. Б. Леонтьева констатирует, что появляется множество работ, в которых исследовательская проблема формулируется как «Образ X в сознании / восприятии / исторической памяти Y»¹⁷.

Из двух известных философских парадигмальных подходов к объяснению механизма работы образного мышления — *миметического*, который основывается на критике образа как ненадлежащего инструмента познания (Платон), и *конструктивистского*, в котором образ трактуется в качестве фундаментального условия любого человеческого опыта (Кант)¹⁸, продуктивным, по нашему мнению, является именно второй.

Для носителей русского языка это особенно актуально. Именно в *образном*, а не в *понятийном* поле располагаются основные механизмы восприятия мира и воспроизведение картины мира в русском традиционном сознании и, соответственно, правосознании. И если выра-

¹⁰ См., например: *Ветютнев Ю. Ю.* Аксиология правовой формы. М., 2013; *Гаджиев Г. А.* Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2013; *Графский В. Г.* Концепция интегральной (синтезированной) юриспруденции: актуальные направления дальнейшей разработки // Государство и право на рубеже веков. Проблемы теории и истории. М., 2011; *Лазарев В. В.* Истоки интегративного понимания права // Наш трудный путь к праву: материалы философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсесянца. М., 2006. С. 122–139.

¹¹ *Гаджиев Г. А.* Указ. соч. С. 14.

¹² *Гаджиев Г. А.* Указ. соч. С. 15.

¹³ *Гаджиев Г. А.* Указ. соч. С. 25.

¹⁴ *Мазур Л. Н.* «Визуальный поворот» в исторической науке на рубеже XX–XXI вв.: в поисках новых методов исследования // URL: <http://ivid.ucoz.ru/publ/lappo150/mazurlid/16-1-0-144> (дата обращения: 10.12.2020).

¹⁵ *Ковтунова Ю. Р.* Образ как объект исторического исследования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2014. Т. 14. № 4. С. 92.

¹⁶ *Ковтунова Ю. Р.* Указ. соч. С. 91.

¹⁷ *Леонтьева О. Б.* Образы исторической реальности в современной отечественной историографии // Историческая экспертиза. 2015. № 2. С. 4, 5.

¹⁸ По мнению Д. Е. Скворцова, «образное мышление — это активный процесс синтеза понятий и образов, обусловленный связью абстрактного мышления и ментальной репрезентации, необходимостью опоры на метафорический способ объективации результатов познания. Метафора, являясь одним из ключевых инструментов образного мышления, позволяет соединять в познании понятийную схему и образную картину мира...» (*Скворцов Д. Е.* Образное мышление как предмет философско-антропологического характера: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 2015. С. 7–8).

жаться точнее, то это уже не только и не столько *право-сознание*, а скорее именно «*право-чувствие*» (И. А. Ильин). Правильно в таком случае говорить о некоем синтезе понятий и образов.

Сам русский язык в этом отношении способствует образному мышлению и одновременно дает инструментарий для восприятия (изучения) образов.

В. В. Колесов акцентирует внимание на этой особенности русского языка как «языка синтетического строя», дающего возможность для «объемного суждения». Автор приводит слова русского филолога П. М. Бицилли о том, что свободный порядок слов в предложении, сохраненный русским языком, «дает возможность сплавлять целые ряды образов в один образ...», а «логика сознания, имеющего дело с понятиями, требует иного порядка», тогда как «наше восприятие всего» есть «мышление идеями в буквальном смысле, т.е. образами, а не понятиями»¹⁹.

Характеризуя особенность классической русской философской мысли, В. В. Колесов говорит о том, что «основным героем нашей философии и культуры действительно является символ — образное понятие. Русскую философию не случайно называли “философией образа”. Конкретное и образное русский менталитет предпочитает умственному и рационалистическому»²⁰.

Полагаем, что вряд ли возможно принижать роль и значение «умственного и рационалистического» в исследовании права и связанных с ним феноменов и явлений. Вместе с тем познанию правовой реальности, в том числе и в ее ретроспективном контексте, а также изучению ментальности, присущей определенному социуму в соответствующий исторический период, может содействовать подход не только с сугубо-рационалистических позиций.

По мнению А. Я. Гуревича, «любой социальный феномен надлежит рассмотреть, как бы погруженным в тот повсюду разлитый эфир, который образует ментальность эпохи»²¹. В то же время в этот «своеобразный историко-культурный “эфир” должно быть погружено и наше сознание»²² — сознание исследователя. Но — не только! В тот же «эфир» должно быть погружено и сознание реципиента — того, кто воспринимает результаты исторического исследования. В этом смысле важно не только адекватно реконструировать, но и столь же адекватно репрезентировать.

Так, рождающаяся «новая модель культуры», в которой не *текст*, а *образ* занимает главенствующее место, требует *нового* не только в реконструкции прошлого, но и *нового* в репрезентационных практиках.

Вот пример: в рамках школы нового историзма²³ история представлена уже «не как цепь — то есть рациональная система, имеющая причинно-следственные связи, а как мозаика — набор фрагментов, которые в целом образуют социокультурное историческое полотно». При этом используются исторические анекдоты (*petites histories* (фр.) — «малые истории») ²⁴, исторические мемы, комиксы и пр. Все это может выглядеть антинаучным и даже комичным. Можно по-разному относиться к теориям и школам, возникшим и возникающим на почве кризиса (переосмысления) методологии истории, но очевидно, что в век постмодерна и «наползающей» цифровой трансформации нельзя игнорировать последствия меняющейся парадигмы познания²⁵.

Представляется, что возникающие теории, школы — это не просто модные продукты эпохи постмодерна, а следствие объективно изменившейся реальности, требующей учета и поиска

¹⁹ См.: Колесов В. В. Указ. соч. С. 429.

²⁰ Колесов В. В. Указ. соч. С. 398.

²¹ Гуревич А. Я. Ментальность как пласт социальной целостности // Споры о главном : дискуссии о настоящим и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М. : Наука, 1993. С. 20.

²² См.: Гуревич А. Я. Указ. соч. С. 50.

²³ Данное научное направление недостаточно полно представлено в русскоязычной литературе. По данной тематике см., например: Соловьева Д. Ю. Новый историзм и репрезентации истории в цифровой среде // Вестник Московского университета. Серия 10 : Журналистика. 2018. № 4. С. 26–54.

²⁴ См.: Соловьева Д. Ю. Указ. соч. С. 29.

²⁵ Такой феномен, как «клиповое мышление», в значительной степени изменил парадигму познания. По данной тематике см., например: Азаренок Н. В. Клиповое сознание и его влияние на психологию человека в современном мире // Психология человека в современном мире. Т. 5 : Личность и группа в условиях социальных изменений / отв. ред. А. Л. Журавлев. М., 2009. С. 110–112 ; Докука С. В. Клиповое мышление как феномен информационного общества // Общественные науки и современность. 2013. № 2. С. 250–258.

тех самых новых подходов не только в части исторического познания (реконструкции), но и в методах (способах, моделях) репрезентации полученных научных результатов.

Но дело не только в изменившейся реальности. *Понятие* — лишь один из триггеров формирования образов, с ним связанных, и отчасти им — *понятием* — порождаемых. «Надпонятийное поле» — поле образов — включает в себе не меньший, чем само *понятие*, потенциал как для реконструкции, так и для репрезентации исторических феноменов (явлений, событий).

Вывод Н. Н. Родигиной о том, что категория «образ» вышла за пределы исследовательского лексикона филологов и психологов и начала «победное шествие по освоению новых предметных полей гуманитаристики»²⁶, в основе своей верен, но вряд ли его можно отнести к области юриспруденции, во всяком случае в смысле «победности шествия»²⁷.

Лингвистами (когнитологами), культурологами исследуются феномены «право», «закон»²⁸ как концепты и др. Правовые концепты являются объектом лингвокультурологии права как одной из ее ветвей. Вместе с тем полагаем, что и историческая юридическая наука должна более активно на междисциплинарной основе использовать в своем методологическом арсенале соответствующий научный инструментарий. Ведь, как правильно отметил В. В. Лазарев, «именно с развитием методологических парадигм можно связывать перспективы развития юридической науки»²⁹.

Так, в части реконструкции правовых явлений (феноменов, фактов и др.), образ таковых поможет более системно и полно изучить явления погруженными в тот самый «историко-культурный эфир» — ментальность соответствующей эпохи.

В части репрезентации правовых явлений удачно подобранный, узнаваемый реципиентом результатов правового исторического исследования образ может выполнять роль ретранслятора контекстуально «упакованной» — с концептуально верным (точным) посылом — информации (с элементами как рационального, так и оценочного, эмоционального) о правовом историческом явлении (феномене, факте и т.п.).

Предлагаем результаты опыта нахождения образа-символа такого явления, как злоупотребление процессуальными правами, определявшегося в законодательстве и русской языковой картине мира в период не позднее второй половины XV — начала XX в. как *ябеда*. Данная попытка не содержит в себе претензии на то, что ее результат основывается на безупречной методологической основе. Это лишь пример реализации возможного подхода в работе с образами правовых явлений на междисциплинарном поле.

2. Ябеда как злоупотребление процессуальными правами. Ябеда как социокультурное (правовое) явление исследовалась нами ранее³⁰. Всего в Полном собрании законов Российской империи за период с 1649 г. по 1885 г. выявлено 36 актов, которые либо непо-

²⁶ См.: Родигина Н. Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX — начала XX века. Новосибирск, 2006. С. 41.

²⁷ В. В. Лазарев справедливо замечает: «Юристы вообще не часто используют метафоры или литературные образы в своих исследованиях. Между тем подобные экспликации могут служить наиболее глубокому проникновению в сущность государственно-правовых явлений» (Лазарев В. В. Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы (размышления теоретика) // Lex russica. 2013. № 2 (75). С. 188).

²⁸ См., например: Волков В. В. Лексема «закон» и концепт «закон» в русскоязычной картине мира // Язык и культура (Новосибирск). 2014. № 11. С. 173–177; Павлова И. П., Яковлева И. А. Концепт «закон» в русской лингвокультуре // Гуманитарные науки и проблемы современной коммуникации: сборник VI Междунар. науч.-практ. междисциплинар. конференции / Северо-Вост. фед. ун-т имени М. К. Аммосова. Киров, 2018. С. 22–28.

²⁹ Лазарев В. В. Юридическая наука ... С. 190.

³⁰ Гаврилов С. Н. История адвокатуры в России: генезис и эволюция форм правозаступничества и судебного представительства (XV — начало XX века) / под общ. ред. Е. В. Семеняко, Г. К. Шарова, А. В. Крохмалюка. М., 2009. С. 22–89; Он же. Профессиональное ябедничество в России до судебной реформы 1864 г. как правовой и социокультурный феномен. Череповец: Изд-во ЧГПИ, 2002; Он же. Злоупотребление процессуальными правами: российское законодательство второй половины XVII — начала XIX века и современный тренд // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 12. С. 117–123.

средственно содержат слова «ябеда», «ябедник» и др., либо относятся к ябеде (в частности, содержат юридические признаки ябеды).

Законодатель не определил, что есть «ябеднический изворот», мотивировав это в одном из Указов 1775 г. тем, что все эти «неудобности <...> изчислять пространно б было»³¹.

В характеристике деятельности ябедников в законодательстве употребляются следующие слова (словосочетания): «ложное челобитье» (1684); «неправда [бывает многая]», «лукавство [бывает]», «напрасно [затевая иски]», «составные вымыслы», «затейные ответы», «перемена речей вымыслом [каким]», «коварство» (1697); «пространность [всякая]», «непотребные пространные приводы» (1716); «притворные отговорки», «коварство» (1719); «лишнего говорить», «ненадобного пишут [много]», «притворно объявить [что болен]» (1723); «вымыслы противу правды» (1752); «посторонние речи» (1754) и др.

При отсутствии легального толкования термина «ябеда» на основе анализа нормативных правовых актов, материалов судебной практики³², а также художественно-литературных и других источников возможно сделать вывод, что сущность ябеды как правонарушения заключалась в неких противозаконных, умышленных, «общему покою противных», «непристойных званию своему» (1752 г.) деяниях, которые выражались с объективной стороны в действии (например, возведение поклепа) либо бездействии (например, неявка в суд к ответу), совершаемом с целью присвоить не принадлежащее по закону (ябедники «не хотя чужое отдать» (1762)³³ или хотят «чуждым воспользоваться» (1777)³⁴).

3. Образ-символ «судебного процесса» как «дороги — пути — тропы — стези» и «ябеды» как «пут». Не входя в дискуссии по вопросу о толкованиях понятия «образ», что является предметом специальных исследований,

определим образ как содержащий элементы рационального и вместе с тем оценочного, эмоционального, как «факт идеального бытия, схематический объект, надстроенный над своим материальным субстратом»³⁵.

Для репрезентации явления нами избрана хронотопная модель³⁶, в которой образ-символ *ябеды* воспроизводится в контексте образа-символа *суда*. В этом смысле судебный процесс, как некая процедура, находится в определенной системе пространственно-временных координат.

Пространственно-временная модель представления мира весьма распространена и в определенной степени сходно воспринимается носителями определенного языка в различные исторические периоды, что весьма полезно как для реконструкции рассматриваемого нами феномена, так и для его репрезентации.

Примеры образного восприятия правовых явлений, в частности закона и суда, в контексте хронотопа возможно найти в русских пословицах и поговорках: «Судья в любом законе лазейку найдет», «На то и закон, чтоб его обойти», «Закон не забор: через него не перелезешь» и др.

Модель предлагаемого образа-символа *судебного процесса* как *дороги — пути — тропы — стези* и *ябеды* как *пут* содержит пять основных элементов: *дорогу, путь, тропу, стезю, ябеду-пути*. Описание концептов, определяющих элементы образа-символа, мы даем, основываясь на формулировках выявленных нормативных актов о ябеде и на материалах цитировавшегося выше Словаря русской ментальности.

Некоторая сложность представленной ниже репрезентационной модели состоит в том, что для ее перцепции от реципиента требуется проявление определенной сосредоточенности при восприятии образа и уяснения сути отдельных слов (*дорога, путь, тропа, стезя, ябеда, пути* и др.), которые представлены в Словаре рус-

³¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1. Т. 20. № 14392. С. 229–304.

³² Нами исследованы материалы судебной практики департамента гражданских и духовных дел Госсовета в отношении лиц, привлеченных к суду за ябеднические деяния в период с 1824 по 1858 г. (Российский государственный исторический архив. Фонд. 1151).

³³ ПСЗРИ. Собр. I. Т. XVI. № 11624. С. 27–28.

³⁴ ПСЗРИ. Собр. I. Т. XX. № 14567. С. 490–491.

³⁵ Роднянская И. Б. Образ // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: Интелвак, 2003. С. 669.

³⁶ Хронотоп — термин, который был введен в области физиологии (А. А. Ухтомский), позднее стал применяться в гуманитарной сфере (М. М. Бахтин); определяется как некая связь пространственно-временных координат.

ской ментальности и толкуются как концепты русской ментальности. Впрочем, этим и обеспечивается погружение в так необходимый «историко-культурный эфир» соответствующего исторического периода.

Обозначим элементы предлагаемой модели образа-символа.

3.1. Если «*дорога* — самое общее обозначение расчищенной полосы земли для движения (собственно дорога) как чистого пространства (дорогу мять)»³⁷, то в предлагаемой модели образа-символа *дорога* — это *судебный процесс*, ограниченный требованиями процессуального закона³⁸, обеспечивающий достижение цели *правовой (юридической) справедливости*³⁹ (и/или *правды-справедливости*) и тем гарантирующий состояние *законности (порядка, мира, лада)*.

Дорога как правовое пространство (*пакон*) ограничена (ограждена или огорожена⁴⁰) *краями* — законом. Выход за пределы данного пространства за ограничение (за ограждение/забор), означает нарушение закона (*выход за кон*).

Вместе с тем *дорога (судебный процесс)* имеет *изъяны* (недостатки в организации судебной процедуры), а *ограда/огород (закон)* — *бреши, лазейки, проходы* (недостатки закона), что не всегда обеспечивает достижение цели — *правовой (юридической) справедливости (и/или правды-справедливости)* и позволяет избравшему *преступную и темную стезю (стеязя ябедника)* найти *обходный путь (путь ябедника)* и использовать *бреши/лазейки/проходы* (недостатки закона).

3.2. Если «*путь* — сознательно предпринятое движение (*избрать свой путь*) по свободному пространству *дороги (путь-дорога)* в избранном направлении (*идти своей тропой*) ради достижения поставленной цели (*его сте-*

зя, стеязя его жизни)»⁴¹, то в предлагаемой модели образа-символа *путь* — это движение по *дороге (судебный процесс)* истца или ответчика (*идущего*) в избранном направлении (*тропа идущего*) ради достижения поставленной цели (*стеязя идущего*)».

Путь истца или ответчика как *праведника*⁴² имеет цель — *правовую (юридическую) справедливость (и/или правду-справедливость)*. Тем самым он избирает *стеязю праведника* и идет по *тропе праведника*. *Путь праведника* — *верный, правильный*.

Путь истца или ответчика как *ябедника* имеет цель *неправовую и неправую (кривду)*. *Ябедник* ищет, как найти обходный путь — *бреши/лазейки/проходы в ограде/огороде* (законе). Тем самым, он избирает *стеязю ябедника* и идет по *тропе ябедника*. *Путь ябедника* — *гибельный, пагубный, порочный*.

3.3. Если «*тропа* — строго избранное направление движения (пути-дороги), которое ограничено узко протоптанной в неизведанном пока мире *стежкой* (торить тропу), как наиболее близкий для данного человека способ постижения сущего»⁴³, то в предлагаемой модели образа-символа *тропа* — строго избранное направление движения к цели *правовой (юридической) справедливости и/или правды-справедливости (тропа праведника)* либо к цели *неправовой и неправовой — кривде (тропа ябедника)*, посредством отображения для себя — *идущего* (истца или ответчика) — наиболее близких способов (*процессуальные способы и приемы*) отстаивания своего субъективного права либо мнимого субъективного права.

Способы отстаивания своего субъективного права либо мнимого субъективного права (*процессуальные способы и приемы*) «правед-

³⁷ СРМ. Т. 1. С. 219–220.

³⁸ Слово «закон» употребляется здесь в юридическом значении — как позитивное право.

³⁹ Юридическая справедливость (по закону) и правда-справедливость (по совести) — явления не тождественные, о чем свидетельствовало существование дуальной правовой жизни на Руси (закон и «правовой обычай»).

⁴⁰ «Огорода — для успокоения хозяина». Значение слов «ограждена» или «огорожена» здесь предполагает качество самого ограждения (закон) — забор как *надежное («крепкий закон»)* и *огород* как ненадежное — *ветхий забор («плохой закон»)*.

⁴¹ СРМ. Т. 2. С. 141–143.

⁴² *Путь праведника* и *стеязя праведника* здесь являются своего рода символами. Слово «праведник» использовано здесь исходя из известной антиномии «праведник — ябедник», зафиксированной, в частности, в пословице «Бог любит праведника, а господин/судья/черт — ябедника».

⁴³ СРМ. Т. 2. С. 397.

ника» — это законные (и/или правовые, этические⁴⁴) способы и приемы.

Способы (процессуальные приемы) ябедника — это незаконные (и/или неправовые, неэтичные) «ябеднические извороты», которые названы выше («составные вымыслы», «затейные ответы», «притворные отговорки», «непотребные пространные приводы», «судебные хитрости» и др.).

3.4. Если «*стезя* — сознательно поставленная цель, определяющая движение по известной дороге (путь) и в избранном направлении (тропа)⁴⁵, то в предлагаемой модели образа-символа *стезя* — сознательно поставленная правовая (неправовая) цель, определяющая движение по *дороге* (судебному процессу) в избранном направлении (тропа).

Стезя праведника предполагает цель *правовую (юридическую) справедливость и/или правду-справедливость*.

Стезя ябедника предполагает цель *неправовую и неправую* («не хотя чужое отдать» или «чуждым воспользоваться»). Стезя ябедника — преступная.

3.5. *Ябеда* в предложенной модели образа-символа — это *путы* — *узы*, сковывающие движение на пути, лишая свободы и мешая продвижению в *пути*. Исходный образ *пут* — «веревка или ремень для стягивания ног коня»⁴⁶.

Вот примеры, рисующие образ действий ябедника-путаника⁴⁷ из классики русской литературы. «Спутать, спутать, — и ничего больше»; «так можно спутать, так все перепутать, что никто ничего не поймет»; «пусть только дела мои пойдут хуже, да я всех впутаю <...> всех запутаю»⁴⁸. «Увидит противник, что дело тянется без конца, а со временем, пожалуй, и самому дорожке будет стоять — ну, и спутает-

ся. <...> Ведь противник-то как в лесу бродит. Читает и думает: “Это недаром! Наверное, он куда-нибудь далеко крючок закинул. И начнет паутину кругом себя путать. Путаает-путаает, да в собственной путанице и застрянет”»⁴⁹.

В таком случае *ябеда* как *путы на пути* к правде-справедливости «разными образами *стареется*»: *о-путать* (сковать) идущего, *за-путать* идущего (сбить с пути), *в-путать* (всех), *с-путать* (всё), не дав *рас-путать* (ничего), принудить идущего *пере-путать* (правду с *кривдой*).

Ябедник, как избравший *преступную и темную стезию (стезя ябедника)*, ищет *обходный путь (путь ябедника)* и использует *бреши, лазейки, проходы* (недостатки закона). Кроме нарушения установленного законопорядка, *ябеда* разрушает *мир*⁵⁰ и посягает на *лад*⁵¹.

4. Модель и парадигма образа-символа «судебного процесса» и «ябеды». Модель образа-символа рассматривается с позиции *идущего* (истца или ответчика), избравшего *верный, правильный путь (путь праведника)*, имеющего цель *правовую (юридическую) справедливость и/или правду-справедливость (стезя праведника)* и которому мешает *ябеда*.

Парадигма образа-символа:

Цель пути (правда-справедливость) требует в ее достижении:

- наличия достаточной *воли идущего* (способности *удерживать цель* пути и тем самым не поменять избранную *стезию*, не сойти с выбранной *тропы*);
- *дороги (прямой, ровной и свободной к цели)*, огражденной надежным забором (законом) от внешних посягательств и от «схода с пути» (законного и/или правового);

⁴⁴ Начиная с периода введения Судебной реформой 1864 г. присяжной адвокатуры «ябеднические извороты» (например, затягивание дел) рассматривались уже как нарушение профессиональной адвокатской этики.

⁴⁵ СРМ. Т. 2. С. 327.

⁴⁶ СРМ. Т. 2. С. 141.

⁴⁷ «Путать — не зная толку, нарушать лад, находясь в несвободе чувств и неподвижности мысли, связанных (путы) и стесненных злой силой (“бес попутал”»)» (СРМ. Т. 2. С. 141).

⁴⁸ Гоголь Н. В. Мертвые души / вступит. ст. П. Антокольского. М., 1980. С. 357.

⁴⁹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений : в 20 т. М., 1975. Т. 17. С. 132–133, 137.

⁵⁰ «Мир — разнообразное проявление бытия, направленного сверхсистемным началом в сторону органического единства; в частности, покой и согласие как проявление внутреннего спокойствия и согласованности в чувствах, мысли и действиях» (СРМ. Т. 1. С. 445–447).

⁵¹ «Лад — внешняя и внутренняя гармония, характеризующая жизнь человека в согласии с самим собой и окружающим миром (ладно)» (СРМ. Т. 1. С. 397–398).

- движения: пути (скорого и непрерывного к цели);
- времени (дойти до цели);
- достаточной свободы идущего (возможности проявить личную волю идти к цели);
- достоверного знания идущим своего места положения (не заблудиться на пути к цели, не потерять тропу).

5. Ябеда как пути на пути-дороге к правде-справедливости. Ябеда «из зловердных видов» стремится:

- 1) в контексте цели пути — направить не к правде, а к кривде (неправда [бывает много], неправду [кто в суде учинит], вымыслы противу правды и др.); сокрыть верную цель пути (затемнение [в решении дел] и др.);
- 2) в контексте воли идущего удержать цель пути — подавить, заставить отказаться от достижения цели, принудить поменять стезю (утомление волокитой [просителя] и др.);
- 3) в контексте прямоты пути к цели — направить не прямым путем (к правде), а кривым (к кривде); искривить траекторию движения, сбить с прямого пути, направить по ложному пути, свести с тропы (лукавство, ложное челобитье, кривой толк, пронырство и обман и др.);
- 4) в контексте ограждения дороги (закон) от внешних посягательств и от «схода с пути» (законного и/или правового) — найти обходный путь, использовать лазейки — недостатки в законе (не выполняет слова закона, нарушением закона, тонкостию или хит-

ростию [ябедники] избывают силы закона и др.).

- 5) в контексте свободности пути к цели — создать преграду, препятствие, затруднение на пути (помешательство [в делах] и др.);
- 6) в контексте скорости движения к цели — замедлить (волокита, просрочки и др.);
- 7) в контексте непрерывности движения к цели — прервать движение (остановка [в делах] и др.);
- 8) в контексте времени движения на пути к цели — увеличить время движения, затянуть (делают тем безконечными [дела] и др.);
- 9) в контексте свободы идущего по пути к цели — сковать, опутать, не дать свободы для движения (затруднение [немалое в делах], затруднять станет напрасно и др.);
- 10) в контексте знания идущим своего места положения на пути к цели — дезориентировать, запутать (пространность всякая, посторонние речи, излишние речи, затейные ответы, притворные отговорки, вымыслы составные и др.).

Таковы результаты опыта реконструкции и репрезентации феномена «ябеда» в значении «злоупотребление процессуальными правами» в контексте русской ментальности.

В заключение отметим, что своеобразное «анатомирование» деяний ябедника посредством образа-символа позволило структурировать правовые признаки проявлений ябеды в различных аспектах (целевом, временном, волевом, характеризующем динамику действий и др.), что расширило наше знание о феномене ябеды как правовом явлении.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Азаренок Н. В. Клиповое сознание и его влияние на психологию человека в современном мире // Психология человека в современном мире. Т. 5 : Личность и группа в условиях социальных изменений / отв. ред. А. Л. Журавлев. — М., 2009. — С. 110–112.
2. Бёдекер Х. А. Размышления о методе истории понятий // История понятий, история дискурса, история менталитета : сборник статей : пер. с нем. / под ред. Х. Э. Бёдекера. — М. : Новое литературное обозрение, 2010. — 328 с.
3. Веденеев Ю. А. Юридическая наука: введение в концептуальную историю // Lex russica. — 2017. — № 3. — С. 9–28.
4. Ветютнев Ю. Ю. Аксиология правовой формы. — М., 2013. — 198 с.
5. Волков В. В. Лексема «закон» и концепт «закон» в русскоязычной картине мира // Язык и культура. — 2014. — № 11. — С. 173–177.
6. Гаврилов С. Н. Злоупотребление процессуальными правами: российское законодательство второй половины XVII — начала XIX века и современный тренд // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2017. — № 12. — С. 117–123.

7. *Гаврилов С. Н.* История адвокатуры в России: генезис и эволюция форм правозаступничества и судебного представительства (XV — начало XX века) / под общ. ред. Е. В. Семеняко, Г. К. Шарова, А. В. Крохмалюка. — М., 2009 — 352 с.
8. *Гаврилов С. Н.* Профессиональное ябедничество в России до судебной реформы 1864 г. как правовой и социокультурный феномен. — Череповец : Изд-во ЧГПИ, 2002. — 156 с.
9. *Гаджиев Г. А.* Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). — М., 2013. — 320 с.
10. *Гоголь Н. В.* Мертвые души / вступ. ст. П. Антокольского. — М., 1980. — 392 с.
11. *Графский В. Г.* Концепция интегральной (синтезированной) юриспруденции : актуальные направления дальнейшей разработки // Государство и право на рубеже веков. Проблемы теории и истории. — М., 2011. — С. 107–114.
12. *Гуревич А. Я.* Ментальность как пласт социальной целостности // Споры о главном : дискуссии о настоящим и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». — М. : Наука, 1993. — 207 с.
13. *Гурьянова А. В., Гурьянов Н. Ю.* Реконструкция ментальностей как когнитивная предпосылка исторического познания // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2016. — № 3-1. — С. 194–196.
14. *Докука С. В.* Клиповое мышление как феномен информационного общества // Общественные науки и современность. — 2013. — № 2. — С. 250–258.
15. *Золотухина Н. М.* Формирование правопонимания и его терминологическое обозначение в русской средневековой юридической культуре // Lex russica. — 2018. — № 8. — С. 43–67.
16. *Ковтунова Ю. Р.* Образ как объект исторического исследования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Социально-гуманитарные науки. — 2014. — Т. 14. — № 4. — С. 91–93.
17. *Колесов В. В.* Русская ментальность в языке и тексте. — СПб., 2006. — 624 с.
18. *Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А.* Словарь русской ментальности : в 2 т. — СПб., 2014. — Т. 1. — 592 с. ; — Т. 2. — 592 с.
19. *Лазарев В. В.* Истоки интегративного понимания права // Наш трудный путь к праву : материалы философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсисянца. — М., 2006. — С. 122–139.
20. *Лазарев В. В.* Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы (размышления теоретика) // Lex russica. — 2013. — № 2 (75). — С. 181–191.
21. *Леонтьева О. Б.* Образы исторической реальности в современной отечественной историографии // Историческая экспертиза. — 2015. — № 2. — С. 4–19.
22. *Лещёва Л. М.* Когнитивная лингвистика и терминологическая двуязычная интерпретирующая лексикография // Язык и мысль : Современная когнитивная лингвистика / сост. А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев. — М. : Языки славянской культуры, 2015. — С. 411–425.
23. *Мазур Л. Н.* «Визуальный поворот» в исторической науке на рубеже XX–XXI вв.: в поисках новых методов исследования // URL: http://ivid.ucoz.ru/publ/lappo_150/mazur_id/16-1-0-144 (дата обращения: 10.12.2020).
24. *Павлова И. П., Яковлева И. А.* Концепт «закон» в русской лингвокультуре // Гуманитарные науки и проблемы современной коммуникации : сборник VI Международной научно-практической междисциплинарной конференции / Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова. — Киров, 2018. — С. 22–28.
25. *Полежаев Д. В.* Русский менталитет: опыт социально-философского анализа : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. — Волгоград, 2011. — 43 с.
26. *Роднянская И. Б.* Образ // Литературная энциклопедия терминов и понятий. — М. : Интелвак, 2003. — 1596 с.
27. *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собрание сочинений : в 20 т. — М., 1975. — Т. 17. — 624 с.
28. *Скворцов Д. Е.* Образное мышление как предмет философско-антропологического характера : автореф. дис. ... канд. филос. наук. — Волгоград, 2015. — 30 с.
29. *Соловьева Д. Ю.* Новый историзм и репрезентации истории в цифровой среде // Вестник Московского университета. Серия 10 : Журналистика. — 2018. — № 4. — С. 26–54.
30. *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. — 824 с.
31. *Хромова Е. Б.* А. Я. Гуревич и история ментальностей // Вестник Пермского университета. — 2014. — Вып. 1. — С. 163–168.
32. *Чейф У.* На пути к лингвистике, основанной на мышлении // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / сост. А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев. — М. : Языки славянской культуры, 2015. — С. 60–88.

Материал поступил в редакцию 21 декабря 2020 г.

REFERENCES

1. Azarenok NV. Klipovoe soznanie i ego vliyanie na psikhologiyu cheloveka v sovremennom mire [Clip consciousness and its influence on human psychology in the modern world]. In: Zhuravlev AL, editor. *Psikhologiya cheloveka v sovremennom mire. T. 5. Lichnost i gruppa v usloviyakh sotsialnykh izmeneniy* [Human psychology in the modern world. Vol. 5. Personality and group in the conditions of social changes]. Moscow; 2009. P. 110-112. (In Russ.)
2. Boedeker HE. Razmyshleniya o metode istorii ponyatiy [Reflections on the method of the history of concepts]. In: Boedeker HE, editor. *Istoriya ponyatiy, istoriya diskursa, istoriya mentaliteta: sbornik statey*. [History of concepts, history of discourse, history of mentality: A collection of papers]. Transl. from German. Moscow: *Novoe literaturnoe obozrenie*; 2010. P. 34-65. (In Russ.)
3. Vedeneev YuA. Yuridicheskaya nauka: vvedenie v kontseptualnuyu istoriyu [Legal science: Introduction into conceptual history]. *Lex Russica*. 2017;(3):9-28. (In Russ.)
4. Vetyutnev YuYu. Aksiologiya pravovoy formy [Axiology of a legal form]. Moscow; 2013. (In Russ.)
5. Volkov VV. Leksema «zakon» i kontsept «zakon» v russkoyazychnoy kartine mira [The lexeme "law" and the concept "law" in the Russian language picture of the world]. *Yazyk i kultura [Language and culture]*. 2014;11:173-177. (In Russ.)
6. Gavrilov SN. Zloupotrebleniye protsessualnymi pravami: rossiyskoye zakonodatelstvo vtoroy poloviny XVII – nachala XIX veka i sovremennyy trend [Abuse of procedural rights: Russian legislation of the second half of the 17th — beginning of the 19th century and the modern trend]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)]*. 2017;12:117-123. (In Russ.)
7. Gavrilov SN. Istoriya advokatury v Rossii: genesis i evolyutsiya form pravozastupnichestva i sudebnogo predstavitelstva (XV – nachalo XX veka) [The history of the legal profession in Russia: Genesis and evolution of the forms of legal representation and judicial representation (15th — early 20th century)]. Moscow; 2009. (In Russ.)
8. Gavrilov SN. Professionalnoye yabednichestvo v Rossii do sudebnoy reformy 1864 g. kak pravovoy i sotsiokulturnyy fenomen [Professional snitching in Russia before the judicial reform of 1864. as a legal and socio-cultural phenomenon]. Cherepovets: CHSPI Publishing House; 2002. (In Russ.)
9. Gadzhiev GA. Ontologiya prava (kriticheskoye issledovaniye yuridicheskogo kontsepta deystvitelnosti) [Ontology of Law (A critical study of the legal concept of reality)]. Moscow; 2013. (In Russ.)
10. Gogol NV. Mertvye dushi [Dead souls]. Moscow; 1980. (In Russ.)
11. Grafkiy VG. Kontseptsiya integralnoy (sintezirovannoy) yurisprudentsii: aktualnye napravleniya dalneyshey razrabotki [The concept of integral (synthesized) jurisprudence: Current directions for further development]. In: *Gosudarstvo i pravo na rubezhe vekov. Problemy teorii i istorii* [State and law at the turn of the century. Problems of theory and history]. Moscow; 2011. P. 107-114. (In Russ.)
12. Gurevich AYa. Mentalnost kak plast sotsialnoy tselostnosti [Mentality as a layer of social integrity]. In: *Spory o glavnom: diskussii o nastoyashchem i budushchem istoricheskoy nauki vokrug frantsuzskoy shkoly «Annalov»* [Disputes about the main thing: Discussions about the present and future of historical science around the French school of "Annals"]. Moscow: Nauka; 1993. (In Russ.)
13. Guryanova AV, Guryanov NYu. Rekonstruktsiya mentalnostey kak kognitivnaya predposylka istoricheskogo poznaniya [Reconstruction of mentalities as a cognitive prerequisite for historical cognition]. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2016;3(1):194-196. (In Russ.)
14. Dokuka SV. Klipovoye myshlenie kak fenomen informatsionnogo obshchestva [Clip thinking as a phenomenon of the information society]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost [Social Sciences and Contemporary World]*. 2013;2:250-258. (In Russ.)
15. Zolotukhina NM. Formirovaniye pravoponimaniya i ego terminologicheskoye oboznachenie v russkoy srednevekovoy yuridicheskoy kulture [Formation of legal consciousness and its terminology in the Russian medieval legal culture]. *Lex Russica*. 2018;(8):43-67. (In Russ.)
16. Kovtunova YuR. Obraz kak obekt istoricheskogo issledovaniya [Image as an object of historical research]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsialno-gumanitarnye nauki [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities]*. 2014;14(4):91-93. (In Russ.)
17. Kolesov VV. Russkaya mentalnost v yazyke i tekste [Russian mentality in language and text]. St. Petersburg; 2006. (In Russ.)

18. Kolesov VV, Kolesova DV, Kharitonov AA. Slovar russkoy mentalnosti: v 2 t. [Dictionary of Russian Mentality: In 2 vols.]. St. Petersburg; 2014. (In Russ.)
19. Lazarev VV. Istoki integrativnogo ponimaniya prava [The origins of the integrative understanding of law]. In: Nash trudnyy put k pravu: materialy filosofsko-pravovykh chteniy pamyati akademika V. S. Nersesyantsa. [Our difficult path to law: Proceedings of philosophical and legal readings in memory of Member of the Academy of Sciences Vladik S. Nersesyants]. Moscow; 2006. P. 122-139. (In Russ.)
20. Lazarev VV. Yuridicheskaya nauka: sovremennoe sostoyanie, vyzovy i perspektivy (razmyshleniya teoretika) [Legal science: Current state, challenges and prospects (reflections of a theorist)]. *Lex russica*. 2013;2(75):181-191. (In Russ.)
21. Leonteva OB. Obrazy istoricheskoy realnosti v sovremennoy otechestvennoy istoriografii [Images of historical reality in modern Russian historiography]. *Istoricheskaya ekspertiza [Historical expertise]*. 2015;2:4-19. (In Russ.)
22. Leshcheva LM. Kognitivnaya lingvistika i terminologicheskaya dvuyazychnaya interpretiruyushchaya leksikografiya [Cognitive linguistics and terminological bilingual interpretive lexicography]. In: Kibrik AA, Koshelev AD. Yazyk i mysl: sovremennaya kognitivnaya lingvistika [Language and thought: Modern cognitive linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury; 2015. P. 411-425. (In Russ.)
23. Mazur LN. «Vizualnyy povorot» v istoricheskoy nauke na rubezhe XX–XXI vv.: v poiskakh novykh metodov issledovaniya ["Visual turn" in historical science at the turn of the 20th-21st centuries: In search of new research methods]. Available from: http://ivid.ucoz.ru/publ/lappo_150/mazur_id/16-1-0-144 [cited 2020 Dec 10]. (In Russ.)
24. Pavlova IP, Yakovleva IA. Kontsept «zakon» v russkoy lingvokulture [The concept of "Law" in Russian Linguoculture]. In: Gumanitarnye nauki i problemy sovremennoy kommunikatsii : sbornik VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy mezhdistsiplinarnoy konferentsii [Humanities and Problems of Modern Communication: Proceedings of VI International Scientific and Practical Interdisciplinary Conference]. North-Eastern Federal University in Yakutsk. Kirov; 2018. P. 22-28. (In Russ.)
25. Polezhaev DV. Russkiy mentalitet: opyt sotsialno-filosofskogo analiza: avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk. Russian mentality: Experience of social and philosophical analysis. Author's Abstract of Dr. Sci. (Philosophy) Dissertation]. Volgograd; 2011. (In Russ.)
26. Rodnyanskaya IB. Obraz [Image]. In: Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]. Moscow: Intelvak; 2003. (In Russ.)
27. Saltykov-Shchedrin ME. Sobranie sochineniy: v 20 t. Collected works: in 20 vols. — Moscow; 1975. Vol. 17. (In Russ.)
28. Skvortsov DE. Obraznoe myshlenie kak predmet filosofsko-antropologicheskogo kharaktera: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk [Figurative thinking as a subject of philosophical and anthropological character. Author's Abstract of Cand. Sci. (Philosophy) Thesis]. Volgograd; 2015. (In Russ.)
29. Soloveva DYU. Novyy istorizm i reprezentatsii istorii v tsifrovoy srede [New historicism and representations of history in the digital environment]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 2018;4:26-54. (In Russ.)
30. Stepanov YuS. Konstanty. Slovar russkoy kultury. Opyt issledovaniya [Constants. Dictionary of Russian Culture. Research experience]. Moscow: Shkola «Yazyki russkoy kultury»; 1997. (In Russ.)
31. Khromova EB. A.Ya. Gurevich i istoriya mentalnostey [A.Ya. Gurevich and the history of mentalities]. *Vestnik Permskogo universiteta*. 2014;1:163-168. (In Russ.)
32. Cheyf W. Na puti k lingvistike, osnovannoy na myshlenii [Towards a thinking-based linguistics]. In: Kibrik AA, Koshelev AD. Yazyk i mysl: Sovremennaya kognitivnaya lingvistika [Language and Thought: Modern Cognitive Linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury; 2015. P. 60-88. (In Russ.)